

RU

П. Л. Лавров о социальной истории революционных идей в России и Северной Америке в конце XVIII в.

Вязинкин А. Ю.

Аннотация. Цель исследования заключается в выявлении взаимосвязи социально-исторического анализа с реконструкцией в контексте истории идей революционных событий конца XVIII в. в России и Северной Америке, представленной в трудах отечественного теоретика народничества П. Л. Лаврова. В статье рассмотрены представления П. Л. Лаврова как социального историка идей об интеллектуальном содержании идей освобождения конца XVIII столетия. Научная новизна состоит в специфическом ракурсе исследования, позволяющем сочетать подходы социальной истории и истории идей в анализе теоретического наследия представителей русского народничества на примере работ П. Л. Лаврова. В результате исследования автор заключает, что П. Л. Лавров трактует социальную историю освободительных идей в контексте народнического дискурса об общественном идеале. П. Л. Лавров указывает на эгалитаризм лозунгов Е. Пугачева, тогда как освободительные идеи просветителей представляет как ориентированные на интересы немногих.

EN

P. L. Lavrov on the social history of revolutionary ideas in Russia and North America in the late 18th century

A. Y. Viazinkin

Abstract. The research aims to reveal the interconnectedness between socio-historical analysis and reconstruction within the context of the history of ideas regarding the revolutionary events of the late 18th century in Russia and North America, as presented in the works of P. L. Lavrov, a prominent theorist of Russian populism. The article examines Lavrov's views as a social historian of ideas, focusing on the intellectual content of liberation ideas in the late 18th century. The scientific novelty lies in the specific research perspective that combines approaches from social history and the history of ideas in analyzing the theoretical legacy of representatives of Russian populism, exemplified by Lavrov's works. As a result of the research, the author concludes that P. L. Lavrov interprets the social history of liberation ideas within the context of the populist discourse about the societal ideal. Lavrov highlights the egalitarianism of Ye. Pugachev's slogans, while presenting the liberation ideas of the Enlightenment as being geared towards the interests of the few.

Введение

Актуальность темы обусловлена необходимостью восполнить пробел в исследованиях феномена русского народничества в контексте истории идей.

Исследование направлено на установление специфики народнического взгляда на революционные события с позиций социальной истории идей.

В соответствии с поставленной целью исследования выделяются следующие задачи: во-первых, на примере работ теоретика русского народничества П. Л. Лаврова (1823-1900) выявить взаимосвязь социально-исторического анализа исторических явлений и подходов истории идей; во-вторых, определить особенности народнического подхода в сравнительно-исторической оценке революционных событий в России и Северной Америке в конце XVIII в.

Степень изученности темы весьма низкая, т. к. исторические взгляды П. Л. Лаврова крайне редко становятся предметом изучения как отечественных, так и зарубежных исследователей. Почти век назад вышла статья Г. Ладохи (1927) и более 50 лет назад был опубликован автореферат докторской диссертации В. Ф. Антонова (1969), посвященные историческим взглядам П. Л. Лаврова. Однако в этих работах внимание в основном сосредоточено на философско-социологическом содержании исторических взглядов народника, что, впрочем,

не снижает их значимости. Некоторые аспекты исторических взглядов П. Л. Лаврова изучены в контексте анализа домарксистской революционной исторической мысли в России В. Е. Иллерицким (1974). Прежде П. Л. Лавров не рассматривался исследователями как историк идей.

Источниковедческую базу исследования составили работы П. Л. Лаврова, в которых отражен его специфический подход к социальной истории идей.

В теоретическую базу вошли классические отечественные работы, посвященные общественно-политическим и историческим взглядам народников (Антонов, 1965; Иллерицкий, 1974), а также труды А. Я. Гуревича (1988а; 1988b), посвященные особенностям исследований в области социальной истории идей. Мы опираемся на теоретическую установку А. Я. Гуревича, которая утверждает необходимость рассмотрения истории идей в более широком социальном контексте, поскольку «в реальной жизни развивается социальная история идей» (1988а, с. 16).

Исследование основано на сравнительно-историческом методе, позволяющем провести анализ исторических воззрений П. Л. Лаврова в контексте социальной истории идей. В целях построения логической модели (реконструкции) социальной истории идей мыслителя, мы также опираемся на принцип единства исторического и логического.

Практическая значимость исследования заключается в том, что его результаты могут быть использованы в учебных курсах по истории России, истории общественно-политической мысли, интеллектуальной и социальной истории.

Обсуждение и результаты

Социальная история идей по своему существу является органичной частью творческого наследия П. Л. Лаврова. Сам народник заявлял, что «общественный деятель <...> призывает на помощь факты истории, статистики, психологии масс, опирается на факты привычек, аффектов, интересов и убеждений» (Лавров, 1903, с. 4). При этом П. Л. Лавров отмечал, что для историка необходимо умение «отличать для прошлого возможное от невозможного, случайное от неизбежного, цели этические от расчета интересов, что могло бы вести к прогрессу от того, что должно было дать в результате регресс или застой» (Доленги, 1903, с. 998). И в изучаемой нами работе народник, несомненно, сам следует этим требованиям.

П. Л. Лавров рассматривает революционные настроения и события конца XVIII столетия в России и Северной Америке, оценивая их с позиций представления о народном социализме как общественном идеале. Поэтому он отмечает, что в исторической памяти старого общества и революционеров – разные герои. Если для старого общества герои – это деспоты, эксплуататоры и лакеи, то для революционеров, чающих установление народного социализма, историческая память наполнена делами толп и страданиями масс (Лавров, 1934, с. 123).

П. Л. Лавров отмечает, что эмансипаторские идеи XVIII столетия, оформленные в теории гениальными умами, заслуживают одобрения и восхищения, однако за сотню лет (работа в память о Крестьянской войне была написана в 1873 г.) эти концепции «выдохлись», утратили свою актуальность, потому что не могли решить социальный вопрос в той форме, в какой он был сформулирован социалистами в конце XIX века: «...ни гений, ни самоотверженное убеждение деятелей не могут придать прочности тому, что не имеет будущего, тому, что составляет эфемерный базис в развитии человечества, тому, что не коренится в самой сущности сплывающих, нравственных, развивающих потребностей человека. Этот блестящий период человеческой истории, со всеми великими деятелями, его воплощавшими в жизнь человечества, принадлежит невозвратному прошедшему» (Лавров, 1934, с. 124).

В связи с оценкой исторической ситуации конца XVIII века в Российской империи П. Л. Лавров писал о Крестьянской войне 1773-1775 гг.: «...в этом грубом взрыве негодования масс лежала вечно живая, вечно нравственная, исторически-творческая потребность человека решать вопросы общественного строя не в их эфемерных формах» (1934, с. 124-125). Интерес народников к масштабным народным восстаниям, подкреплявшийся изданием пропагандистских брошюр исторического содержания о восстаниях С. Т. Разина и Е. И. Пугачева (Захарина, 1971, с. 48-55), был продиктован их идеологическими установками. Любопытно, что исторический сюжет Крестьянской войны под руководством Е. И. Пугачева П. Л. Лавров сравнил с акцией протеста колонистов в Бостоне в 1773 г. и последующей борьбой американских патриотов за независимость США, отметив радикализм идеологии последних: «Они знали, что перед твердою волею нации закон есть бесправие, насилие – обязанность, мятеж получает значение революции» (1934, с. 126).

Мятеж патриотов. Бостонское восстание, по мнению П. Л. Лаврова (1934, с. 126), породило революционный период в истории и героев революционного дела: Дж. Вашингтона и А. Гамильтона в США, Ж.-Ж. Дантона и М. Робеспьера во Франции, карбонариев в Италии и чартистов в Великобритании. Этот революционный период ко времени написания П. Л. Лавровым своей работы вошел в фазу лозунгов интернациональной солидарности рабочих и автономии коммун.

Идеал американских патриотов был связан с независимостью нации, господством конституции, теорией устранения деспотизма. По мнению П. Л. Лаврова, американские радикалы выступили как деятели, проводящие в жизнь теоретические идеи и связанные с ними политические идеалы, но не со следствием невыносимых народных страданий. Народник признал, что американские колонисты, составлявшие особое общество, оказались достаточно зрелыми для того, чтобы выступить против деспотизма центральной власти.

П. Л. Лавров отметил, что в Северной Америке возникла редкая «историческая комбинация», когда в обществе одновременно обнаруживаются патриоты-интеллектуалы и готовое к защите своих идеалов население. Особо народник подчеркнул, что американцам повезло иметь во главе освободительного войска «Старого Лиса» Дж. Вашингтона, обладавшего достаточно мощной политической волей, чтобы управлять патриотической армией в борьбе за независимость (Лавров, 1934, с. 127-128).

Однако П. Л. Лавров отметил, что идеалы американской конституции не могли удовлетворить идеалу социалиста, поскольку юридические установления в реальности не гарантируют социальной справедливости: «Нет и не может быть политической конституции, – писал народник, – которая дала бы прочность, спокойствие и благоденствие обществу. Нет и не может быть юридического кодекса, который установил бы справедливые отношения между людьми» (1934, с. 129).

Социальный вопрос. Ни в Северной Америке, ни в революционной Франции, подчеркивал П. Л. Лавров, не было ни поставлено, ни решено социального вопроса. Революционеры ограничились борьбой за политическую свободу. Но политические революционеры и реформаторы не приняли во внимание многоликий социальный вопрос, отсутствие решения которого, по мнению народника, превращало всякую конституцию в фикцию: «Этот один вопрос обращал в наглуемую ложь все кодексы, писанные для воплощения на земле правды» (Лавров, 1934, с. 129-130).

П. Л. Лавров отмечал, что политические инструменты становились предметом торга и спекуляций, были пронизаны коррупцией, и все это нивелировало патриотические и республиканские идеалы революционеров и реформаторов: «В борьбе за обогащение капиталист обращал в орудия спекуляции и конституцию, и закон, и звание представителя народа, и должность министра исполнительной власти, и место дипломата, и право судьи. Продавалась государственная тайна, как продавался голос в парламенте. Продавалось оружие, собранное в арсеналах на защиту страны. Продавалось отечество. Продавалась республика. Продавались народы» (1934, с. 130).

Даже сама патриотическая идея, по мнению П. Л. Лаврова, была дискредитирована капиталистами, прикрывавшимися патриотизмом с целью ограбления народа и проводившими реакционную политику, погружая широкие народные массы в пучину невежества и дикости. Народник отмечал, что следствием этого стали политические скандалы во Франции, Австрии и США, «ничтожность» политических идей доктринеров и либералов 1840-х гг., представителей тори и вигов в Великобритании. С сожалением П. Л. Лавров (1934, с. 131) указывал на то, что ни выдающаяся немецкая философия, ни замечательные явления Дж. Мадзини и Дж. Гарибальди не уберегли Германию и Италию от низкопоклонства перед Гогенцоллернами и пошлых политических интриг в итальянском правительстве при правлении Виктора Эммануила.

Нерешенность социального вопроса привела к тому, что «во всех кодексах, которым подчинены цивилизованные народы, нет ни одного закона, который не сделался бы орудием неправды» (Лавров, 1934, с. 131-132). По мнению народника, история показала низкий уровень жизненности политических революций. И все же теоретические и практические начинания политических революционеров были связаны с задачами человеческого прогресса. «Общественное зло», под которым П. Л. Лавров подразумевал борьбу за обогащение, не могло быть побеждено государством, открывшим «публичный торг» в законодательных палатах. И как результат, социальный вопрос уничтожил «политические создания революционного периода» (Лавров, 1934, с. 132).

Крестьянская война 1773-1775 гг. В России страдания народа, достигшие определенной точки, в совокупности с другими историческими обстоятельствами вылились в масштабное народное восстание под руководством Е. И. Пугачева. П. Л. Лавров подчеркивает, что восставшие сражались под знаменами с «раскольничьим осьмиугольным крестом», в чем очевидно был проявлен народный и антиправительственный символизм. Народник провел параллели между революционным движением на Западе и Крестьянской войной в России и в контексте просветительских идей. Признавая харизматичность лидера восставших, П. Л. Лавров тем не менее невысоко оценил образ самозванца, выдававшего себя за императора Петра III: «Против умной, ловкой и привлекательной императрицы, которая старалась всеми силами, чтобы русские забыли о ее немецком происхождении, выдвигался призрак голштинского идиота, промелькнувшего незаметно ни для кого на престоле, вечно окруженного своими немцами, и мысль которого шла не далее игры в прятки солдатики или повешения крысы по приговору военного суда» (1934, с. 133). Успех Е. И. Пугачева в массах теоретик народничества связывал с тем, что лозунги самозванца совпадали с глубинными чаяниями крестьянства, измученного крепостничеством.

Несмотря на мощную харизму лидера и недовольство народа, восстание, по мнению П. Л. Лаврова, было с большой вероятностью обречено на неудачу: «...в минуту, когда сила характера, умение подчинить себе других, умение сделаться центром и руководителем обширного движения были крайне необходимы, император-самозванец не выказал даже попытки организовать силы народа, связать и подчинить себе несогласные действия возбужденной толпы и энергических шаек, которые не имели никакого общего военного плана, да мало и знали одна о другой» (1934, с. 133-134). Исторические условия, та самая редкая «историческая комбинация», для Крестьянской войны не были очевидными, но, как отмечает народник, началось «восстание народа русского против его вековых притеснителей и кровопийц» (Лавров, 1934, с. 134), и в этой исторической необходимости могли бы разрешиться противоречия эпохи.

Фактор раскольничества был значительным, но в ходе восстания он отступил на второй план. П. Л. Лавров отмечал, что «мысль об основании нового царства на формах “старой веры” едва ли приходила серьезно кому-либо из деятелей этого времени» (1934, с. 134-135), очевидно, желая видеть в Крестьянской войне не реставрационный вариант «консервативной революции», а прогрессивное эмансипаторное явление, предвосхищающее будущее народное восстание с целью установления общества социальной справедливости – народного социализма.

По мнению П. Л. Лаврова, народ был готов к восстанию, ему было все равно, чья подпись будет стоять под освободительными манифестами – Петра III или сказочного героя древнерусского фольклора Еруслана Лазаревича, гораздо важнее были цели – «вечная вольность» и «истребление помещиков» (1934, с. 135). Социальный и психологический факторы, необходимые для масштабного народного бунта, сошлись: недовольство солдатчиной и крепостничеством в народе и появление волевого и харизматичного лидера, носителя радикальных освободительных идей.

Несмотря на то, что идеи, которыми Е. И. Пугачев привлекал широкие массы, объединялись «под знаменем нелепого верования» и подписывались «фантастическим именем идиота», тем не менее именно они представляли собой, по мнению П. Л. Лаврова (1934), грозные пророчества будущего, грозящего уничтожить систему социальной несправедливости. Именно то обстоятельство, что в манифестах Е. И. Пугачева решался социальный вопрос, вопрос «земли» и «воли», народник рассматривал как условие возможности народного восстания: «Эти основные, элементарные вопросы справедливого общественного строя не нуждались в научной и философской обработке» (Лавров, 1934, с. 136). Обещание будущего и сохранение за народом средств развития П. Л. Лавров наиболее ценил в манифестах Е. И. Пугачева, видя в решении обозначенных вопросов дальнейшую судьбу общественной науки.

По мнению П. Л. Лаврова, народному движению и его вождям не хватило организаторского ума, чтобы победа в Крестьянской войне стала исторической реальностью. То есть это был не рядовой народный мятеж, а грандиозное восстание и реальная возможность смены власти: «Бесспорно, что один-два успешных боя, парализация Михельсона – и белое знамя с осьмиугольным крестом появилось бы на Кремле; а тогда... что случилось бы тогда из екатерининской империи?» (Лавров, 1934, с. 137). В. Е. Иллерицкий (1974, с. 323) отмечал, что П. Л. Лавров, вероятно, даже принизил организаторские способности Е. И. Пугачева.

Народник невысоко оценивал «политический механизм» Российской империи второй половины XVIII столетия. По его мнению, государство не имело ни способной администрации, ни надежной армии, ни талантливых командующих. В политической реальности империи были только вековые страдания народа, и на эту политическую реальность решил опереться Е. И. Пугачев.

Теоретик социальной революции, П. Л. Лавров тем не менее рассматривает возможность революции бескровной при переходе к социалистическому обществу. Он даже полагал, что исторический опыт кровавых событий народных бунтов, а «кровавая, жестокая, варварская сторона пугачевщины была неизбежным элементом исторического бюджета екатерининской России» (Лавров, 1934, с. 139), может послужить более сдержанному варианту перехода к социалистическому обществу в результате победы народных сил над обесилившимися эксплуататорами. Впрочем, эти надежды народника не оправдались.

П. Л. Лавров толкует исторический феномен Крестьянской войны 1773-1775 гг. в духе народнических социально-теоретических исканий: «Сущность пугачевщины лежала в требовании массами народа, массами тружеников себе господства на земле, где они одни трудятся; в требовании для всего народа средств существовать и развиваться. Земля должна принадлежать свободному крестьянству <...> Эксплуататоры народа должны погибнуть – вот был смысл кровавых казней, совершавшихся над дворянством и чиновничеством» (1934, с. 139).

Сравнительный социально-исторический анализ революционных идей в России и Северной Америке в конце XVIII в. Важность для интеллектуального обоснования идеи социальной революции социально-исторического подхода в сравнительной оценке П. Л. Лавровым революционных событий в Северной Америке и России подчеркивал еще В. Е. Иллерицкий (1974, с. 304-305).

Революционеры Европы и Северной Америки обладали большой силой мысли и боролись за справедливость против средневекового иерархизма и абсолютизма, но их целью была свобода мысли для меньшинства образованных людей. Политические права и свобода, по мнению народника, предназначались для этого меньшинства развитых личностей. Сама борьба шла между двумя небольшими социальными группами – консервативными защитниками сословного строя и монархии («ступые защитники нелепого догмата») и просветителями («представители научной и философской мысли»). Каждая из этих групп была носителем определенных социальных идей. Первые представляли собой силы закона, вторые – силы капитала.

При этом народник оценивает научную и философскую мысль просветителей как прогрессивный и желательный фазис революционной борьбы за социальную справедливость, но в целом эти освободительные идеи, по его мнению, находились на «азбучной ступени развития» (Лавров, 1934, с. 135). Фазис социалистической борьбы, который ведет к установлению общественного идеала, утверждает П. Л. Лавров, подразумевает доработку идей просветителей в духе полного эгалитаризма: «Она (научная и философская мысль просветителей. – А. В.) могла только тогда считать свой вопрос надлежащим образом поставленным, когда она выработала бы мирозерцание, доступное всему человечеству, не теряя своей глубины и всеобъемлемости, когда она обратилась бы в науку для всех, не жертвуя ни строгостью истин, ни их убедительностью, ни их критической силой» (1934, с. 135-136).

Крестьянская война 1773-1775 гг. была именно практической «доработкой» этих освободительных теорий: «Расчет был варварский, но его требовала история, потому что отношение помещиков к их крепостным было варварское» (Лавров, 1934, с. 138). При этом П. Л. Лавров понимает, что необходимо сочетать идеалы интеллектуалов-освободителей и народные интересы о «земле» и «воле», поэтому в социалистическом обществе будущего «рабочие рук станут и рабочими мозга» (1934, с. 139). Именно в таком понимании эпохи конца XVIII столетия проявляется важность для народника социальной истории развития идей, и в первую очередь идеи освобождения. В сравнительном анализе лозунгов «пугачевщины» и освободительных идей просветителей

П. Л. Лавров подчеркивает, что для вторых характерна борьба за свободу немногих, тогда как в первом проявлен был полный эгалитаризм. Тем не менее народник указал на то, что бостонское восстание «послужило точкою исхода для республики Северо-Американских Штатов, для декларации прав гражданина, для провозглашения прав человека. Это было пророчество будущего» (Лавров, 1934, с. 139).

Заключение

Поскольку обращение народников к социальной проблематике было обусловлено особенностями их общественно-политических взглядов, то и анализ истории идей в социальном ключе является закономерным результатом их изысканий на исторические темы. Революционная тематика и проблемы истории народного бунта находятся в фокусе исторических исследований П. Л. Лаврова. В своем сравнительно-историческом анализе революционных событий конца XVIII в. в России и Северной Америке народник выступил как историк идей. С позиций наличия или отсутствия постановки «социального вопроса», задающего всецело эгалитаристский идеал, П. Л. Лавров оценил лозунги Крестьянской войны 1773-1775 гг. как более прогрессивные, чем конституционные достижения американских патриотов, которые, по его мнению, удовлетворяли интересы не всего народа, но отдельных социальных групп.

Результаты исследования позволяют по-новому взглянуть на идейное наследие П. Л. Лаврова и рассмотреть исторические взгляды теоретика русского народничества через призму проблематики социальной истории идей.

Источники | References

1. Антонов В. Ф. Историческая концепция П. Л. Лаврова и оценка им основных этапов всемирной и русской истории: автореф. дисс. ... д. ист. н. М., 1969.
2. Антонов В. Ф. Революционное народничество. М.: Просвещение, 1965.
3. Гуревич А. Я. Изучение ментальностей: социальная история и поиски исторического синтеза // Советская этнография. 1988а. № 6.
4. Гуревич А. Я. Историческая наука и историческая антропология // Вопросы философии. 1988b. № 1.
5. Доленги А. Важнейшие моменты в истории мысли. М.: Типо-Литография В. Рихтер, 1903.
6. Захарина В. Ф. Голос революционной России. М., 1971.
7. Иллерицкий В. Е. Революционная историческая мысль в России. М.: Мысль, 1974.
8. Лавров П. Л. 1773-1873. В память столетия пугачевщины (1873-1874 гг.) // Лавров П. Л. Избранные сочинения социально-политические темы: в 8 т. М.: Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1934. Т. 2.
9. Лавров П. Л. Задачи понимания истории: проект введения в изучение эволюции человеческой мысли. Изд-е 2-е. М.: Центральная типолитография М. Я. Минкова, 1903.
10. Ладоха Г. Исторические и социологические воззрения П. Л. Лаврова // Русская историческая литература в классовом освещении: сборник статей: в 2 т. М.: Изд-во Коммунистической акад., 1927. Т. 1.

Информация об авторах | Author information

Вязинкин Алексей Юрьевич¹, к. филос. н., доц.

¹ Тамбовский государственный технический университет

Aleksei Yurievich Viazinkin¹, PhD

¹ Tambov State Technical University

¹ vyazinkin@yandex.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 09.08.2024; опубликовано online (published online): 19.09.2024.

Ключевые слова (keywords): П. Л. Лавров; народничество; Крестьянская война 1773-1775 гг; революция; бунт; социальная история; история идей; P. L. Lavrov; populism; Peasant War of 1773-1775; revolution; rebellion; social history; history of ideas.